

1. Лазаревское

— Что-то ноги совсем заледенели. Вроде бы лето наступило, а все равно в доме прохладно. Ты бы принесла мне грелку.

Эльвира Андреевна Норкина полулежала на широком, мягком диване перед ярким экраном плазмы и куталась в плед. Ей недавно исполнилось пятьдесят девять лет, но выглядела она благодаря подаренной ей природой нежной коже и густым волосам, которые она регулярно подкрашивала в каштановый цвет, довольно молодо. Да и фигура у нее была, как у молодой. Полная грудь, тонкая талия, стройные ноги. Нерожавшая, никогда особенно не утруждавшая себя физическим трудом, она сумела сохранить здоровье и привлекательность, да и психологически ощущала себя моложе лет на тридцать.

Вот уже два года она жила в Лазаревском, в очень хорошем, расположенном в пяти мину-

тах от пляжа доме, окруженном большим садом, цветами. Имела прислугу в лице одинокой и некрасивой молодой женщины Наташи (которую в свое время подобрала с улицы и помогла ей выкарабкаться из долговой ямы) и чувствовала себя вполне счастливой.

Было начало июня, впереди был курортный сезон, который обещал принести немалый доход, — в глубине сада, куда вела посыпанная гравием аккуратная дорожка, находилась маленькая одноэтажная, с шестью номерами гостиница с небольшим чистеньким бассейном. Из-за близости моря комнаты сдавались за довольно приличную цену, что придавало Эльвире Андреевне чувство уверенности, надежности.

Расторопная Наташа вполне справлялась с уборкой всех помещений, за что Эльвира щедро платила ей.

Ноги почему-то продолжали мерзнуть.

— Это от нервов, Эльвира Андреевна, — сказала Наташа, подсовывая резиновую грелку с горячей водой под плед, в ноги хозяйке.

— Думаешь, он не вернется?

— Вернется, конечно, вернется.

— Вот вечно ты так... Говоришь, не подумав. Просто чтобы угодить мне.

Наташа всегда во всем поддерживала свою хозяйку, поддакивая ей и соглашаясь во всем. Даже когда в глубине души имела свое

отличное от мнения Эльвиры мнение, как и в этом случае. Хотя, кто знает, думала она, быть может, этот молодой человек по имени Саша и вернется к ней.

Саша появился в Лазаревском месяц тому назад. Поначалу Эльвира, сдававшая ему комнату, приняла его за отдыхающего. И лишь спустя несколько дней, когда она пригласила молодого мужчину к себе на ужин, он рассказал ей, что приехал сюда, на море, чтобы подыскать дом своему начальнику, москвичу, мечтавшему перевезти в это райское место жену и троих детей.

— Здесь мало кто продает дома, — сказала Эльвира, подкладывая ему на тарелку куски жареной курицы. — Вы ешьте, Саша, ешьте, не стесняйтесь. Ну подумайте сами, кому же охота покидать это место? Разве что случайно подвернется продажа... Ведь все, у кого есть хорошие дома, а вам нужен именно такой, да к тому же еще и поближе к морю, сдают комнаты, номера, даже кровати во временках! Это же золотое дно!

Эльвира в тот первый вечер, когда заполучила к себе Сашу на ужин, выглядела очень свежо и молодо. В джинсах, белом свитере, улыбающаяся, веселая, она откровенно обольщала своего гостя, разве что не ворковала, как птичка. Косметики на лице было минимум, щеки ее разругнулись от приятного волнения, и Наташа,

прислуживающая им за ужином, смотрела на свою хозяйку с восхищением.

Понятное дело, что она слышала почти весь их разговор, из которого поняла, что у Саши в Москве есть семья — жена и двое маленьких детей. Ясно, что в первую встречу, за столом, Саша ничего не рассказывал о характере своих отношений с женой. Но вот позже, уже в спальне Эльвиры, наверняка чтобы как-то оправдать свой блуд, свою измену, сказал, что отношения с женой не складываются или вообще супруги находятся на грани развода. Так говорят все мужчины, которым приспичило переспать с другой женщиной. Это было твердое мнение Наташи, у которой по молодости (а себя она считала чуть ли не старухой в свои сорок два) тоже были романы с женатыми мужчинами.

Комната, в которой жила Наташа, располагалась в дальнем крыле дома, где имелся отдельный вход. Очень удобно, если учесть, что хозяйка время от времени желает побыть одна, и в такие часы в доме должна соблюдаться тишина. Или же, когда ее посещают знакомые, Наташе также следует находиться в своей комнате и не высовываться. По сути, это благостное для нее время, когда она может отдохнуть. Сидя в своей комнатке, Наташа смотрит телевизор, вооружившись наушниками, чита-

ет, вяжет или просто спит. Она даже во двор не выходит, даже грядки пропалывать нельзя, надо создать видимое отсутствие в доме еще одного человека.

Друзей Эльвира в Лазаревском не завела.

— Я здесь чужая и своей никогда не стану. Сплетни мне не нужны, а потому предпочитаю жить замкнуто, не совать нос в чужие дела и не давать самой пищу для разговоров, — сказала она еще в самом начале, когда они переехали сюда из Москвы и надо было расставить в доме не только новую мебель, но и все точки над «і». — И тебе тоже запрещаю с кем-либо водиться, близко дружить, понятно? Нет, мы, конечно, нормальные люди и не сможем вообще ни с кем не общаться. Рано или поздно у нас сложатся отношения с соседями, без этого никак, но вот впускать кого-то в душу нельзя ни мне, ни тебе, Наташа. Начнут задавать разные вопросы, строить предположения... Словом, ты меня поняла.

Да и как тут было не понять? Эльвира Андреевна — человек осторожный, ей нужно время, чтобы освоиться на новом месте. Это она сейчас так говорит, что никого в душу не пустит, но кто может заранее знать, как все сложится в жизни? Может, встретит родственную душу, какую-нибудь одинокую вдовушку, да и подружится, станет звать к себе в гости, разговоры разговаривать.

Но прошло несколько месяцев, и никакой «вдовушки» не наметилось. Как и сказала Эльвира, местные жители жили каждый своей жизнью, особо в друзья не набивались. Да и соседи, словно принимая ее правила, ограничивались тем, что здоровались или просто одаривали друг друга дежурными улыбками.

Зато уже через месяц повадился к Эльвире ходить один молодой парень, грек Анастас. Красивый, высокий, черноглазый. Он был бригадиром строителей, которые ремонтировали гостиницу, занимались отделкой спален и ванных комнат. Ремонт закончился, все ушли, а грек остался. Сначала жил несколько дней в одном из номеров отеля, стояла ранняя весна, было прохладно, и Наташа видела, как из каменной трубы шел дымок. Ну а потом Эльвира попросила ее отнести греку обед. Позже он собрался и ушел, и Наташа подумала, что теперь-то с концами, однако вечером вернулся уже налегке, во всем чистом и новом, поднялся по внешней лестнице на балкон в спальню хозяйки, да и остался там до утра. Накануне Наташа отнесла в спальню поднос с фруктами и вином, а еще чистые полотенца и новые мужские домашние туфли.

С чужими Эльвира бы никогда не стала обсуждать свои сердечные дела, но вот с Наташей время от времени делилась самыми сокровенными мыслями и чувствами. И делала это

словно неосознанно, просто не в силах держать в себе все. Ей, как и каждому человеку, нужно было выговориться или же просто услышать чье-то мнение.

— Он всегда молчит, этот Анастас. Молчит, и все. У него прекрасное тело, он сложен, как бог, но интеллект, похоже, подкачал. Я и сама не профессор, конечно, я обыкновенная женщина, но как можно вообще ничего не говорить? Хотя бы обманул, сказал бы, что любит, я бы проглотила. Даже вино не похвалил.

— Может, он немой? — предположила Наташа.

— Если бы... Я слышала, как он расплачивался с рабочими, как орал на них, говорил с акцентом, но бойко так, аж слова налезали друг на дружку.

— Думаю, он просто стесняется вас, побаивается.

— Вот вечно ты скажешь, не подумав. Стесняется? — Эльвира улыбнулась своим воспоминаниям. — Вот уж каким-каким, но стеснительным его точно не назовешь.

Анастас исчез, растворился в свежем воздухе Лазаревского, как дым. Эльвира нисколько о нем не грустила. Даже как будто очнулась от любовной горячки, принялась обустроить как-то особым рвением дом, занялась собой, познакомилась с маникюршей Анютой, которая приходила раз в неделю заниматься и без

того ухоженными ручками и ножками Эльвиры. Время от времени появлялась и массажистка Эмма, здоровенная, сильная женщина, от которой всегда пахло ванилью, словно она была набита ванильными булочками. Хотя сладкий запах этот шел скорее всего от персикового или абрикосового масла, которым массажистка пользовалась при массаже и который впитался в кожу ее рук.

Морской курорт готовился к сезону, возводились новые гостиницы, повсюду шел ремонт, пахло строганой доской, краской, сырым цементом, некоторые улицы были перекопаны, по траншеям прокладывались трубы, в садах жгли прошлогоднюю листву, от чего по городку плыл горьковатый запах дыма. Появлялись первые гости, которые непонятно зачем приезжали ранней весной, разве что просто вырывались из грязных и холодных городов, чтобы погреться на южном солнышке, подышать морским воздухом да отоспаться в тишине и покое гостиничного номера.

Эльвира Андреевна купила машину, темно-синий «Фольксваген», и каталась на нем по городку, даже в соседнюю булочную отказывалась ходить пешком. Охотно возила Наташу на базар, где они не спеша, с удовольствием выбирали овощи и фрукты.

Эльвира Андреевна в самом начале их знакомства рассказала Наташе, что она — вдова, что муж ее был крупным московским бизнесменом, да умер полгода тому назад, оставив ей недвижимость и деньги. Остальное Наташа могла только додумывать: нигде не работала, жила в свое удовольствие, что и продолжает делать после смерти любимого супруга.

Чувства Наташи к своей хозяйке менялись от ненависти к любви. Или наоборот, в зависимости от обстоятельств. Так, когда та приняла ее на работу, Наташа испытывала к ней помимо благодарности чувство восхищения внутренней силой и умом Эльвиры. Сама Наташа, человек ведомый и слабый, готова была подчиниться ей во всем, лишь бы находиться рядом с ней, прислуживать ей. Однако наступал такой момент, когда она инстинктивно начинала понимать, что ею помыкают, что над ней надсмехаются, что ее унижают, и тогда в ней просыпалась тихая и дремучая ненависть, когда она мысленно расправлялась со своей хозяйкой, убивала ее, да так, что кровь лилась ручьями...

Но это происходило лишь в первые месяцы их проживания под одной крышей. Позже, когда Наташа выучила все правила поведения, разобралась в большом списке своих обязанностей и освоилась в квартире, стало легче обоим женщинам.

— Главное, Наташа, это знать свое место, — любила повторять, просто-таки вбивать в сознание своей домработницы Эльвира Андреевна. — Некоторые люди рождены, чтобы мыть полы и стирать. И это их предназначение. И не надо никаких революций, прошу тебя, не надо мне ничего доказывать, что ты могла бы стать учительницей младших классов или художницей, портнихой или финансистом. Ты — Наташа, которая прислуживает мне, прибирается в доме, стирает и гладит, готовит еду, моет посуду, стелит мне постель, ходит на рынок за покупками и так далее, и так далее... И когда ты смиришься со своим местом в этом мире, так сразу же почувствуешь себя намного спокойнее и даже счастливее. Да-да, и разные мелкие приятности так и посыпятся на твою голову.

Звучало, как бред, но на деле все оказалось чистой правдой. За хорошую работу, за служение Наташе выделили комнату в квартире (первое время она спала на раскладушке в прихожей), выдали красивое постельное белье, перину, теплое одеяло, показали, куда она может складывать свои вещи. Вот только есть Наташе разрешилось лишь в кухне, как прислуге.

И если одно из самых главных условий работы у Норкиной — проживание в квартире хозяйки и отсутствие личной жизни — поначалу Наташу

пугало, поскольку все это сильно смахивало на заточение или вообще рабство, то позже, когда она усилием воли внушила себе, что отсутствие мужчины в ее жизни является для нее благом, что это своеобразная страховка от возможных ошибок, способных разрушить ее жизнь, она и вовсе успокоилась.

...Зазвонил телефон, Эльвира вздрогнула, схватила трубку. Глаза ее, расширенные, блестящие от готовых в любую минуту пролиться слез, уставились в одну точку. Наташа сразу поняла, что звонил Саша.

— Да... поняла. Что ж... я рада. Ты не переживай, все устроится. Да-а-а? — Лицо ее стало розоветь, словно прозрачный фужер, наполняемый розовым шампанским. — Хорошо, значит, через два дня. Я встречу тебя.

Она отложила телефон и посмотрела на замершую напротив нее с тряпкой в руке Наташу:

— Он уже взял билет, Наташа. Ты понимаешь?

— Бросил семью? Развелся?

— Развод — это условность. Развод — это документ, который не всегда легко получить. Я бы дала ему денег, чтобы все как-то ускорить, но посчитала это преждевременным. А вот сейчас, когда он объявил своей жене, что не любит ее и не хочет с ней жить, что любит другую, то есть